

«СЕРЬЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА»

Ирина Понаровская и ее правильный образ жизни

Ирина Понаровская – пожалуй, самая стильная и эффектная женщина нашей эстрады, певица, недоступная и эмансипированная в артистическом образе и женственная, незащищенная в жизни.

Трудно поверить, что эта молодая эффектная женщина выходит на сцену, чтобы радовать зрителей своими песнями, уже около 30 лет. И мало кто помнит, что она всерьез заявила о себе, сыграв главную роль в опере «Орфей и Эвридика».

Неудачная смена. – 2001. – 3 марта.
Виктория Ветрова

-ИРИНА, в опере «Орфей и Эвридика» вы пели вместе с Альбертом Асадулиным. Сейчас вы продолжаете общаться?

— С ребятами из «Поющих гитар», с которыми начинала, мы перезваниваемся. Когда я приезжаю в Ленинград – встречаемся.

— Этот проект имел такой же успех, как «Юнона и Авось» Театра Ленинского комсомола. Нет желания его реанимировать?

— Это была моя первая работа с талантливыми режиссерами Марком Розовским и Вадимом Медведевым. Когда опера шла, за полтора года было сыграно около 300 спектаклей. Это становилось несколько обыденным. К тому же сейчас, как музыкальный материал, спектакль устарел. Поэтому возвращаться к нему я не хотела бы. Но тот этап оставил в моем сердце яркие, очень теплые воспоминания.

— Каким образом вы подбираете репертуар?

— Мне нравится работать с авторами, которые идут на мой поправку. Делаем по восемь вариантов одной строчки, по три варианта одной песни. То же самое с музыкой. Иногда бывает абсолютное попадание, когда ничего не надо исправлять. Но в основном мне приходится все дорабатывать.

— Ирина, если очень популярный композитор предложит вам жесткий контракт, условием которого будет исполнение только его песен, но на выгодных вам условиях, то вы согласитесь?

— Я объясню, что это неправильно. В моем репертуаре есть

песни, от которых я не могу отказаться. Они не новые, но популярны и сегодня. Зрители не мыслят моего концерта без песен «Рябиновые бусы», «Реквием», «Так проходит жизнь моя», «Ты – мой Бог». И если у меня появится несколько новых красивых песен, то не думаю, что я должна буду петь только их. В противном случае я тоже могу предложить композитору: «Если ты хочешь, чтобы я пела только твои песни, то пиши только для меня».

— Насколько то, о чем вы поете, отражает вашу личную жизнь?

— Я покою о жизненном, а меня в жизни касаются и неприятности, и трагедии, и любовь... Поэтому в какой-то степени все это может касаться и меня. Но я пою про всех. Сидит женщина в зале – это и про нее тоже, про ситуацию, которая была у нее, а если не была, то может случиться – и тогда она вспомнит, что слышала подобную песню. «Реквием» – это не обо мне. «Проклятье шлю тебе, работа моя» – это тоже не я говорю. Это образ собирательный. Такую фразу хоть раз в жизни сказал каждый актер, потому что это, неимоверно тяжелый труд, и многие не выдерживают нагрузки.

— Вы не часто появляетесь в телевизионном эфире. Это ваша сознательная политика?

— Я избирательно подхожу к тому, в каких программах выступать. На сегодняшний день мало программ, в которых мне приятно быть в ряду исполнителей. К тому же материальное положение нашего народа настолько тяжелое, что, видя по три, четыре раза на дню одного и того же артиста, они предпочитают оставаться с ним в «экранных отношениях» и, когда объявляется концерт, дума-

ют: «Зачем на него идти, если можно посмотреть по ТВ?» А я в дефиците. Стараюсь не перекормить собой людей. Поэтому каждое мое появление вызывает интерес.

— Почему не видно ваших клипов?

— Мне, безусловно, хотелось бы иметь хороший клип. Но я ни в каких жизненных ситуациях не могла оказаться в роли просителя. Даже у собственного мужа не просила деньги на мое содержание. Я всегда зарабатывала сама и считаю, что неприлично говорить: «Дай денег». Мне не хотелось услышать в ответ: «У тебя же они есть». То же и со спонсорами. Я ни к кому не хожу и не прошу денег на клип. Да, я сама могу потянуть клип малобюджетный, но такой мне не нужен. Если делать, то хороший, дорогой, а на это денег у меня нет. А людям и в голову не придет, что у меня может чего-то не быть. Я же всегда на сцене и на экране блистаю и делаю это намеренно. Пускай хоть кто-то блистает на сцене. Мне не хочется приедаться. Это в жизни я достаточно просто одета и не накрашена. Зато на сцене я имею возможность самовыразиться по полной программе: и меха, и безумно дорогие платья, и аксессуары... Поэтому ни у кого и мысли не возникнет – предложить мне денег.

— Наверное, на почве вашего демонстрируемого благополучия у вас и с мужчинами возникают проблемы?

— Да. Порой даже интересный, солидный, самостоятельный мужчина боится ко мне подойти. Он считает, что просто «не потянет» меня. Это очень большая проблема в моей жизни. А сама я к мужчине никогда не подойду, даже если он мне нравится. Поэтому, мужчина должен пойти навстречу женщине. Если он осмеливается подойти, начать ухаживать и при этом мне нравится, у нас завязываются отношения, тогда я могу позвонить сама, а не сидеть и ждать. А так я очень гордая и считаю, что есть определенные законы взаимоотношений. То же самое и в творчестве.

— Актрисы, певицы всегда были и остаются объектом пристального внимания публики, слухов, сплетен. Когда вы работали с Сосо Павлиашвили, была написана и исполнена песня «Ты – мой Бог». Народ очень оживился...

— Было много слухов и разговоров, но текст этой песни, написанный Симоном Осиашвили, мне понравился настолько, что я не нашла, что в нем исправить. Тогда я сказала: «Симон, я понимаю, о чем ты писал, но давай сделаем так – это будет посвящено моему сыну». Если честно, я никогда не могла бы сказать ни одному мужчине: «Ты – мой Бог», – это слишком. Бог – очень высокое понятие.

— Это не единственная история, коснувшаяся вас...

— Про меня писали всякую ерунду. Однажды приехала на «Славянский базар» с директором. У меня нет охраны, и он, естественно, как мужчина старался не отходить, чтобы меня, не дай Бог, не обидели. Конечно же, попал на все фотографии, во время интервью сидел со мной. Тут же во всех газетах написали, что у Ирины Понаровской 28-летний бойфренд. Даже не удосужились имя его назвать правильно.

Был и другой случай. Я была без машины и попросила своего приятеля – режиссера ТВ – составить компанию, съездить со мной в ресторан. Мне там вручили премию. За столом мы, естественно, сидели рядом... Сразу появились статейки, что у Понаровской очередной ухажер.

Когда я была замужем, муж болезненно на это реагировал и я очень переживала. А после того как у меня разладился брак – перестала обращать внимание, хотя, в сущности, мне это неприятно.

— Вас предавали?

— Увы. Причем очень гнусно. — Вы впечатлительный человек, сильно переживаете?

— Очень. Потому что я сама не умею предавать. Я не идеальна и, конечно, делала кому-то плохо. Порой не очень дипломатично высказывала свое мнение, и отношения заканчивались. Если бы я понимала, что не права, то, безус-

ловно, признала бы ошибку. Но если я точно знала, что права и человек некрасиво себя повел, не считала возможным умалчивать.

Наверное, своим мнением я делала людям больно, но никогда первая не нападала. Я всегда защищалась.

— Вы любите слышать комплименты в свой адрес?

— Доброе слово и кошке приятно. Но именно доброе, мягкое, нежное, но никак не льстивое. Люди часто расточают комплименты, даже не любя меня. Я не очень им верю и стараюсь тщательно фильтровать слова.

— Вы постоянно шокируете зрителей сменой имиджа. Иногда вас просто невозможно узнать...

— Я меняю наряды, прически, цвет волос. А имидж – это внутреннее состояние, и его я не меняю. Я просто слежу за модой, иду в ногу со временем. Но так как редко появляюсь на экране – кажется, что меняюсь кардинально.

— В одном из концертов вы вышли на сцену в шляпе с десятью павлиньими перьями в полную величину. Не опасались, что эта конструкция рухнет?

— Даже если и опасалась, то я умею выдерживать. Мне приходилось на своей голове держать прически, внутри которых были мячики, пластмассовые бутылки, по 5–6 шиньонов, накрученных на них. Это моя профессия. Красота требует жертв, и на эти жертвы я готова, чтобы зрители получили удовольствие, да и я сама тоже.

Что же касается моих нарядов, то они всегда были утонченными, но не вычурными. Были очень хорошие мастера, у которых я шила вещи всю свою жизнь. В детстве я была пончиком, и мама специально шила для меня у своей портнихи платьица, пальтишки. Я вошла во вкус хорошо сшитых вещей. Фирменные вещи, кроме трикотажа, я покупала крайне редко. Надо было как-то выделяться. У Вячеслава Зайцева я научилась искусству завершать наряд головным убором: шляпой, кепкой, косынкой, чалмой, украшением в прическе...

(Окончание на стр. 10)

Ирина Понаровская.
Фото автора

«СЕРЬЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА»

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Что вами движет — желание удивлять, экспериментировать?

— Я поняла для себя одну вещь: у меня нет цели в жизни. Есть получение удовольствия от процесса. Я никогда не ставила цель стать звездой, получить звание народной артистки, стать бесконечно популярной, чтобы на моих концертах ломились залы... Я хотела только ежедневно получать удовольствие от того, чем я занимаюсь, и иметь терпение пережить неудачи, переждать время, дожидаться своего момента. Когда люди ставят себе цель — они разбиваются в кровь, чтобы скорее до нее дойти. Но когда дошли, надо придумывать новую цель, а это сложно. Я стремлюсь к совершенству: слежу за собой, за тем, что происходит в мире, за музыкой... Но все это идет в соответствии с моими желаниями и нежеланиями.

— Кроме стильности и шарма в вас присутствует интеллигентность — качество, редко встречающееся сегодня. Это идет от семьи или вы стараетесь соответствовать образу?

— Тут вопрос в происхождении, в образовании. Моя мама — известная пианистка с консерваторским образованием. Папа — эстрадный музыкант, но тоже с консерваторским образованием, виолончелист. Конечно, все закладывалось с детства. Однажды Алла Борисовна Пугачева прямо с экрана неосторожно пошутила: «Не течет ли в вас голубая кровь?» Я посмотрела на свои руки и произнесла: «Мои вены видны — кровь действительно голубая».

— В связи с образом утонченной, изысканной дамы не возникало ли у вас желания пожить в веке XVIII или XIX?

— Возникало. Но уверяю вас, что и там я нашла бы свои проблемы. Они были и будут во все времена у людей всех сословий, любого социального положения. Не одни — так другие. Сначала я созерцала бы и ничего не делала, но это продолжалось бы недолго. Может, была бы художницей или преподавала бы в институте благородных девиц. Мне всегда хочется делиться тем, что умею.

— Именно поэтому на 13-й международной выставке модной одежды вы представили свою коллекцию «I-га»?

— Однажды я разговаривала с одной «приворотной» дамой, и она, при ее возможностях одеваться в самом дорогом бутике, удивила меня, сказав, что любому другому предпочтет платье, сшитое у художника, вкусу которого она доверяет. Я поняла, что ниша до сих пор не занята, и это место — мое. Так пришла идея создания коллекции.

— Ирина, вязаный трикотаж в коллекции — действительно дело ваших рук?

— На самую сложную кофту мне требуется не более четырех дней. Я вяжу везде: в самолете, дома, в парикмахерской. Когда мне было шесть лет, мама дала мне в руки спицы, старую шерсть в узелках и сказала: «Вот лицевая, а вот изнаночная». С тех пор со спицами я не расстаюсь.

— Пожалуй, вы, как никто другой, можете поделиться секретом с женщинами: как выглядеть сексуально, если нет денег на дорогие туалеты?

— Самое важное — это внутреннее состояние, то, как светятся глаза, посадка головы, походка, пластика рук. Чтобы подчеркнуть сексуальность, необязательно быть в мини-юбке или безумном декольте. Порой ноги или грудь, выставленные напоказ, выглядят вульгарно. Платье должно притягивать, вызывать желание разгадать некую тайну его

обладательницы. Можно надеть маленькое черное платьице с белым воротничком — и неважно, будет ли оно очень дорогим, откутюр, или совершенно простеньким, не требующим огромных финансовых затрат, но в такой одежде женщина всегда будет выглядеть сексуально, на мой взгляд. Очень важен и макияж. Главное — немного фантазии и времени, чтобы поэкспериментировать дома перед зеркалом. Женщина будет выглядеть именно так, как себя ощущает, подает. И так же ее будут воспринимать.

— Вы считаете себя сильной женщиной?

— Наверное, я все-таки сильная женщина, хотя в принципе не согласна, что женщина — сильное существо. К сожалению, пока еще многим нашим женщинам не подходит другое определение. Приходится быть слишком крепкими, жизнестойкими. Может быть, лучше сказать так: я — серьезная женщина.

— Вам приходилось когда-нибудь поступать вопреки своим принципам?

— Если проследить мое творчество, то я никогда не спела ни одной «нужной» песни. Были времена, когда спел про Родину — и для тебя открывались все двери. Я не делала этого. Мне это было неинтересно. Я люблю свою страну и доказываю это тем, что по сей день никуда не уезжаю, но зачем об этом петь? У меня были и есть другие темы. Я не хотела быть подлизой. Еще раз повторюсь, что я очень гордая, а это не лучшее качество для людей моей профессии. Я могу уйти на год со сцены. У меня нет комплекса, что обо мне забудут. Я потом напомню о себе. Ничего страшного. Именно это дало мне такое долголетие — 29 лет на сцене. Мало кто может так уверенно держаться!

Я никогда не знала, что такое пустые залы. Считаю, что моя судьба удачнее, чем чья-либо. Не люблю называть себя «звездой». У меня нет бешенства, помешан-

тельства на славе. Зато есть известность, своя публика, в том числе и молодежь. Мне это очень приятно. Если же говорить о молодежи с разноцветными прическами, в кислотной одежде, на огромных платформах, то, может быть, у них я не очень-то популярна. Но для них есть Андрияша Губин, «Мумий Троль», «Стрелки»... И ради Бога. Я не стремлюсь нравиться всем. Но если я увижу на своем концерте 10 свободных мест — задумаюсь, если увижу 20 свободных мест — серьезно задумаюсь, а если увижу ползала свободных — уйду со сцены.

— Какое состояние вы испытываете после сольных концертов?

— Колоссальный подъем. Еще часа три-четыре после этого нет сна и покоя, повышено-энергетическое состояние. У меня не бывает спокойных концертов. Случается, выступаю в маленьком зале на 500–600 мест, думаю: ну, поработаю вполноги сегодня, приберегу голос, силы. Говорю костюмеру: «Два платья в концерте». Но прошла первая песня, и меня понесло. Работаю в полную силу, меняю 4–5 платьев. Просто, увидев лица людей, я понимаю, что не имею права работать вполсилы. Бывало, что я после концерта теряла сознание. Когда новая программа, огромное стечение народа, четырехпятитысячные залы.

— Ирина, однажды вы сказали, что отдали бы несколько лет жизни, чтобы сесть в зале на свой концерт. А как вы оцениваете свои выступления, когда смотрите их по ТВ?

— Я чаще всего недовольна. Нет ощущения того, что происходит в зале. Не чувствуется моей энергетической отдачи. Стекло, передатчики все нивелируют. А просто отметить, хорошо я выгляжу или нет, мне мало. Я могу посмотреть, как сидит то или иное платье, сняться в нем еще раз или не стоит, но это секунды. Я наблюдаю за тем, что идет изнутри, а этого чаще всего не видно. Экран все съедает.

— Как вы проводите свободное время?

— Я делаю себе свободное время, когда очень переутомляюсь. И просто сплю. Если же оно выпадает независимо от моего плана, провожу его с сыном. Мы идем в бассейн, ресторанчик. Я люблю бывать у своих друзей, уделять внимание людям.

— Кстати, о ресторанчиках. Вы сказали, что в детстве у вас были проблемы с весом. Как сейчас вам удается держать себя в столь прекрасной форме?

— Серьезно занимаюсь спортом, делаю разные упражнения. К тому же для меня не существуют ни пирожные, ни торты. Я просто разлюбила сладкое. А вот китайскую и японскую кухню обожаю. Она не жирная. Еще люблю итальянские спагетти и вегетарианские супы. Проблем с весом у меня, как видите, нет. Вовсе не из-за диет, а из-за правильно выбранного образа жизни.

— А азарт вам присущ?

— Могу рискнуть — как в омут головой. Но чаще десять раз отмерю, потом, может быть, отрежу. Играть в казино не люблю, потому что деньги зарабатываю большим трудом. И зараз их потратить, промотать мне жалко. Не люблю риск, связанный с потерями.

— Что для вас жизненно важно настолько, что вы можете оставить все остальное?

— Любовь. Я умею жить для другого человека и могу оставить сцену, забыть о себе. К сожалению, когда мужчина чувствует, что я начинаю жить им, его заботами, он «садится на голову». Моя жизнь превращается просто в ничто. Я балую его своим вниманием, и он уже не считает нужным вникать в мои проблемы. Постепенно я понимаю, что происходит, и мне становится больно, обидно. Я начинаю возвращаться к себе, к своим делам. Для меня сложно недодавать любви, внимания. А всю жизнь играть, казаться стервозной я не умею, да и не хочу.

Ирина Понаровская.
Фото автора